

Глава 11. Ветер и дождь (часть III)

В тот самый миг, когда Сун Чжи почувал неладное, дверь распахнулась.

Чомань не стала заходить в комнату. Она замерла на пороге, заглядывая внутрь, и, увидев Сун Чжи за книгой, заложила руки за спину. Вскинув подбородок, она бросила короткую команду:

— Выходи.

Зная крутой нрав молодой госпожи, Сун Чжи не стал перечить. Он послушно поднялся, вышел к ней и отвесил низкий поклон:

— Приветствую великую госпожу Чомань.

Только тогда девушка узнала его.

— Ты? Так это тебя Хацзиэр нанял учителем китайской словесности?

— Недостойный перед вами, — смиренно отозвался Сун Чжи.

Чомань посмотрела на него с острым недоверием.

— Ты еще совсем мальчишка. С какой стати тебе учить Хацзиэра? Неужто ты сумел его одурачить?

— Разве под силу скромному человеку обмануть молодого господина?

Чомань на мгновение задумалась и признала его правоту.

— Чему же ты его учишь?

— Сегодня господин приказал мне обучать его каллиграфии.

Девушка вновь окинула Сун Чжи изучающим взглядом с ног до головы.

— И всё же — как Хацзиэр мог выбрать тебя? Нынче полно прославленных мужей и великих учёных, а ты даже обряда совершеннолетия не прошёл. Чем ты заслужил право наставлять его?

— Смиренному это неведомо.

Чомань презрительно усмехнулась — новый наставник явно пришёлся ей не по вкусу. Она обернулась к слуге:

— Где Хацзиэр?

— Принимает гостей в цветочном зале, — ответил тот.

Кивнув, Чомань собралась было идти к Мэн Хуаню, но напоследок бросила на Сун Чжи ещё один пренебрежительный взгляд.

— Иди за мной.

Войдя в зал, Чомань поняла, что гость Мэн Хуаня — личность незаурядная. Это был сам наследный принц Чжэньцзинь. Позабыв о Сун Чжи, она подхватила подол платья и со всех ног бросилась вглубь покоев.

Чжэньцзинь был вторым сыном нынешнего государя, рожденным императрицей Чаби. После ранней смерти старшего брата Дорджи он стал законным наследником. Титул принца он носил уже восемь лет, и сейчас ему было около тридцати восьми.

Вот уже восемь лет наследник возглавлял Центральный секретариат, заслужив репутацию правителя справедливого и милосердного, чем снискал глубокое доверие Ши-цзу. Однако принц искренне почитал конфуцианство и привечал учёных мужей, из-за чего его взгляды нередко расходились с волей императора. Тем не менее Ши-цзу и императрица Чаби жили в редком согласии, а сам принц был образцом сыновней почтительности, так что государь во многом потакал сыну.

В феврале этого года императрица Чаби скончалась. Принц, обезумев от горя, едва не выплакал глаза, а позже поселился в убогой лачуге, соблюдая строгий траур по матери. Эти лишения не прошли бесследно: он сильно осунулся.

Мэн Хуань не часто удаивался аудиенции у наследника. После возвращения из похода на Японию он впервые сидел с ним с глазу на глаз. За прошедшие полгода Чжэньцзинь немного оправился: его впалые щеки округлились, а лицо уже не казалось таким изможденным.

Они вели неспешную беседу, как вдруг снаружи раздался звонкий, нетерпеливый голос:

— Абухэ! Абухэ!

Принц едва заметно улыбнулся — этот голос он узнал бы из тысячи. Глядя на влетевшую в зал

фигуру, он мягко произнес:

— Чомань, тише, не ровен час упадешь.

Девушка хихикнула и в пару прыжков оказалась в объятиях Чжэньцзиня.

— Не упаду, ни за что не упаду!

Пока она ластилась к принцу, Сун Чжи в зал заходить не стал. Он замер поодаль у входа, смиренно опустив руки.

Чомань исполнилось шестнадцать, она была ровесницей дочерей Чжэньцзиня, и принц души в ней не чаял. Он притворно нахмурился:

— Ты уже взрослая девица, а ведешь себя как дикарка. Где приличия? Прыгаешь, шумишь — какой позор!

— Это всё потому, что я так рада видеть Абухэ! — проворковала Чомань, пуская в ход всё своё обаяние.

Принц не выдержал и рассмеялся:

— Ох и льстица ты.

Бабка Чомань происходила из рода хонгиратов и была родной сестрой покойной императрицы Чаби. Если считать по ханьскому обычаю, Чжэньцзинь приходился девушке двоюродным дядей.

— О чем вы шептались с Хацзиэром? — любопытствовала Чомань.

Принц посерьезнел и бросил тревожный взгляд на Мэн Хуаня. Впрочем, таиться от племянницы он не стал:

— Об Ахмаде.

Чомань была не чужда государственным делам. Стоило ей услышать это имя, как она недовольно поморщилась:

— Снова он? Что этот негодяй натворил на сей раз?

— Ты помнишь Бедреддина? — подал голос Мэн Хуань.

Это был племянник Ахмада. Чомань скривилась от отвращения — как-то раз этот Бедреддин, будучи мертвецки пьяным, посмел приставать к ней и даже болтал, что возьмет её в жены.

— И что этот выродок сделал теперь?

— Бедреддин погряз в лихоимстве, — ответил принц. — Он присвоил десятки тысяч ланов серебра, но Ахмад покрыл все его грешки.

Говорили, что львиная доля этих денег осела в карманах самого Ахмада. Чомань плохо представляла себе, как велика эта сумма, но знала твердо: воровство — это зло.

— Абухэ, почему ты не расскажешь об этом Его Величеству?

Наследник печально покачал головой:

— Ахмад был рабом из приданого нашего предка Анчэня. Его втайне поддерживает весь род хонгиратов, к тому же он служит моему отцу двадцать лет и пользуется его безграничным доверием. Даже если я приду с повинной, отец мне не поверит.

— Тогда просто убей его! — выпалила Чомань. — Чтобы он перестал мучить народ!

Принц был изумлен. Он не ожидал от шестнадцатилетней девушки такой кровожадной решимости, граничащей с жестокостью.

Мэн Хуань же, знавший строптивый нрав подопечной как свои пять пальцев, заметил замешательство принца и примирительно улыбнулся:

— Чомань, что за вздор ты несешь? Он — высший чиновник империи, а не бродячий пес, чтобы ты могла распоряжаться его жизнью.

Услышав это, принц облегченно выдохнул. «И впрямь, что смыслит это дитя в казнях? Просто глупая девчонка, болтает что в голову взбредет».

— Хацзиэр такой сильный, он бы прирезал его одним ударом и скормил волкам! — не унималась Чомань.

Мэн Хуань не выдержал и расхохотался.

Принц тоже улыбнулся, но, вскинув взор, вдруг заметил за дверью тонкую фигуру юноши-

ханьца. На вид ему было лет семнадцать, одет он был в плотный ватный халат нежно-голубого, почти яичного цвета.

Юноша стоял, низко склонив голову, так что лица было не разглядеть, но по его прямой, словно натянутая струна, спине принц понял: перед ним не простой слуга. От незнакомца исходило то неуловимое благородство, что присуще лишь книжникам.

— Кто это? — спросил принц, указывая на Сун Чжи. — Что он здесь делает?

Мэн Хуань нахмурился. «Какого черта Сун Цзилань здесь забыл?» Впрочем, голос его остался ровным:

— Обычный грамотей, подрабатывает в поместье письмом да рисованием. Из новых, правил еще не выучил.

— Цино, — велел он слуге, — скажи Сун Цзиланю, пусть идет к себе и не мозолит глаза.

Цино кивнул и направился к выходу. Приблизившись, он что-то вполголоса сказал юноше, и тот внезапно вскинул голову, бросив мимолетный взгляд внутрь зала.

Именно в это мгновение принц ясно увидел его лицо.

Кожа юноши была алебастрово-белой, подбородок — острым, а брови — тонкими, изящными. Он смотрел с безмятежностью и легкой отстраненностью; его глаза были черны, как капля туши.

— Стой, — приказал принц своему телохранителю. — Позови этого юношу сюда.

Телохранитель, монгол по имени Егань-Буха, служивший наследнику долгие годы, отличался редкой проницательностью. Он тут же вышел и велел Цино и Сун Чжи войти.

Сун Чжи переступил порог и пал на колени.

— Смиранный бьет челом перед Вашим Высочеством наследным принцем. Приветствую молодую госпожу и господина Мэн.

— Встань, — милостиво разрешил Чжэньцзинь. — Подними голову.

Юноша подчинился.

— Как тебя зовут?

— Фамилия смиренного — Сун, имя — Чжи. Покойный отец еще в детстве дал мне второе имя
— Цзилань.

— Цзилань, «Сын Орхидеи», — повторил принц, и в голосе его послышалось одобрение. — Красивое имя. В нем чувствуется стойкость, достойная самого Цюй Юаня.

— Ваше Высочество слишком добры к скромному человеку.

Теперь, когда юноша стоял совсем близко, принц заметил багровые следы на его шее.

— Откуда эти раны?

Чжэньцзинь восседал на почетном месте, Мэн Хуань расположился сбоку. Появление Сун Чжи спутало генералу все карты, и он был явно не в духе. Он буравил юношу взглядом, ожидая ответа.

— Смиренный преступил границы дозволенного, и молодой господин преподал мне суровый урок, — спокойно ответил Сун Чжи.

Принц взглянул на Мэн Хуаня, но промолчал.

— Я слышал, ты искусен в письме. Насколько хорош твой почерк?

— Мои каракули грубы, я не осмелюсь хвастать перед мастерами.

— Пустое, — отмахнулся принц. — Напиши что-нибудь, я хочу взглянуть.

Сун Чжи помедлил и украдкой взглянул на Мэн Хуаня. Тот смотрел на него тяжело и хмуро — за внешним спокойствием крылся настоящий гнев. Однако послушаться приказа наследника было невозможно.

По знаку принца Цино мигом приготовил тушь и бумагу. Пока слуга возился, Чжэньцзинь спросил:

— Читал ли ты классиков?

— Ваше Высочество, я происхожу из бедной семьи, книг видел мало. Разве что слегка знаком с «Четверокнижием».

Принц понимающе кивнул, и в его лице проскользнуло сожаление.

Тем временем всё было готово. Сун Чжи взял кисть. Даже в этом простом жесте — в том, как он обмакнул ворс в тушь и занес руку над бумагой — чувствовалась уверенная, отточенная годами грация истинного каллиграфа.

— Что мне написать, Ваше Высочество?

— Всё, что пожелаешь.

Сун Чжи кивнул и опустил кисть на бумагу. Цино растер тушь на славу: она была густой, ровной, идеально подходящей для письма.

Черные штрихи ложились на белое полотно. Рука Сун Чжи двигалась уверенно, но при этом стремительно и легко. Спустя мгновение он отложил кисть, осторожно подул на влажные знаки и отступил на шаг.

— Прошу Ваше Высочество взглянуть.

Принц, заинтригованный его манерой, подошел к столу. Он ожидал увидеть искусную вязь, но, прочитав написанное, замер как вкопанный.

Сун Чжи написал стихотворение «Южный ветер».

«Веет с юга ласковый ветер, греет сердце колючего терна.

Буйно терн разрастается в поле. О, как тяжело матери было!

Веет с юга ласковый ветер, согревает дрова из терновника.

Мать добра была и разумна, мы же — дети её — непутевы.

Где найти нам студёный колодец? В глубине под защитой Цзюни.

Семеро братьев у матери нашей, о, как тяжело матери было!

Птицы иволги звонко поют, голоса их прекрасны и чисты.

Семеро братьев у матери нашей, но утешить её мы не можем...»

Чжэньцзинь был потрясен, но, как и подобает принцу, быстро совладал с собой. Лишь на мгновение в его лице отразилась боль, после чего он вновь взглянул на юношу.

— Почерк превосходен. Но почему ты выбрал именно эти строки?

Чомань, не сильная в науках, недоуменно захлопала ресницами. Она шепотом спросила у Мэн Хуаня:

— Хацзиэр, что не так с этим стихом?

— Это песнь о материнской доле и сыновнем горе, — вполголоса ответил тот.

Чомань похолодела. Весь мир знал, как принц оплакивал свою мать. Прошло полгода, он только начал приходить в себя — и тут кто-то смеет напоминать ему о невосполнимой утрате! Неужто этот юнец решил намеренно уязвить наследника?

Мэн Хуань же был на грани ярости. Он помрачнел. «Неужели этот дурак решил таким подлым способом выслужиться перед принцем? — думал он. — Раньше строил из себя святошу, не желающего служить империи Юань, а теперь маски сброшены?»

Принц молчал, но пригвоздил Сун Чжи к месту тяжелым взглядом. Одной неверной фразы сейчас было достаточно, чтобы отправиться на плаху.

Сун Чжи рухнул ниц, коснувшись лбом холодного пола.

— Прошу Ваше Высочество о пощаде!

<http://bllate.org/book/17487/1693941>